

Андрей
Воронцов

АТОМНЫЙ ВЕС ГЛАГОЛА

Короткие рассказы

«МОЩИ» ИОАННА ПАВЛА II

Следов этого загадочного события я не нашел ни на сайте Вселенского патриархата, ни на других православных и неправославных ресурсах. Его словно никогда не происходило. Похоже, знают о нем только те, кто был в храме Святого Георгия в Константинополе воскресным утром 25 января 2015 года.

В этот день мы с женой приехали из «Ипподром-отеля», близ Святой Софии, в Патриаршую церковь на Фанаре. У входа в Патриархат размещался солидный пост полиции под турецким флагом со звездой и полумесяцем. Крестов, между тем, не было видно – разве что едва различимый на фронте храма-базилики, да на решетке, перед навсегда закрытыми воротами, на которых турки в 1821 году повесили патриарха Григория V. Было около одиннадцати часов по местному времени, но мы попали к началу литургии. Ее возглавлял Вселенский патриарх Варфоломей I – круглолицый, краснощекий, с окладистой седой бородой, в очках. Пребывал он не в алтаре, а восседал справа у амвона, на высоком патриаршем троне самого святителя Иоанна Златоуста, сделанном из дерева грецкого ореха, периодически поднимаясь и благословляя собравшихся. Первые ряды стульев (а прихожане Константинопольской и Элладской Православных Церквей большую часть литургии сидят, на манер католиков) занимала иностранная делегация – итальянская, как потом выяснилось.

Сама служба, конечно, в целом походила на нашу, но имела и отличия. Например, Символ Веры читался только на клиросе, без мирян. (А ведь в Святой Софии, по преданию, когда тысячи людей читали «Верую!..», престол в алтаре сотрясаясь). Царские врата не закрывались на протяжении всей литургии – от-

Воронцов Андрей Венедиктович родился 11 марта 1961 в Подмоскowie. Автор романов «Огонь в степи» («Шолохов»), «Тайный коридор», «Необъяснимые правила смерти», «Называйте меня пророком» («Будущее не продается») и многих других произведений, напечатанных в «Нашем современнике». Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. Горького. Секретарь Правления Союза писателей России. Сопредседатель Крымской региональной организации СПР.

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет своего постоянного автора Андрея Венедиктовича Воронцова с 55-летием и желает ему здоровья и успехов в творчестве.

того, наверное, что глава Церкви находился в храме. На малый и великий входы священство, диаконы и иподиаконы со свечами выходили не на солею, а сразу в храм, огибали его с обеих сторон по гульбищам и соединялись в центре у старинной кафедры-амвона с винтовой лесенкой. Священник поднимался наверх и оттуда читал Евангелие. На Причастии Кровь и Тело Христовы давались верующим раздельно, насколько я понял.

После отпуска итальянцы собрались в центре храма, а Варфоломей I спустился с трона, диакон развернул перед ним сафьяновую папку с каким-то текстом, и патриарх стал читать его по-английски. Я ничего не понял, но догадался, что Варфоломей награждает стоящего перед ним итальянца – крупного, холеного, лобастого, с залысинами человека в цивильном костюме, шея которого росла из сутулых плеч чуть ли не под прямым углом. Завершив чтение, патриарх благословил итальянца и повесил ему на грудь золотой орден или медаль, а на плечи с помощью диаконов накинул какую-то зеленоватую мантию (но точно не стихарь).

Потом все целовали крест и получали благословение от патриарха и иконочку Пресвятой Богородицы Явленной в подарок. Когда же мы шли на выход к гульбищу мимо алтаря и левого амвона, там скромно стояла плексигласовая рака, полная человеческих костей. К ней не прикладывались: она находилась в некотором отдалении, ближе к солею. Табличка на раке сообщала, вероятно, чьи это останки, но она опять-таки была на английском, и я ее читать не стал. Только потом Ирина, моя жена, знающая английский, сказала мне: там написано, что это часть мощей... римского папы Иоанна Павла II.

Обсуждать этот удивительный факт мы тогда не стали, потому что очень хотели побывать в единственной действующей с византийских времен православной церкви Марии Монгольской (Богородицы Панагитиссы), находившейся в этом районе, на холме, и пожилой стамбульский грек из прихожан любезно взялся довести нас туда. Спасибо ему, сами бы мы полдня плутали в узких улочках Фанара, где когда-то жили греки, а теперь поселились сирийские беженцы. И лишь потом, посетив еще Влахернскую церковь, знаменитую чудом Покрова, мы по возвращении в отель задумались: а чему мы стали свидетелями в храме Святого Георгия? Судя по присутствию итальянской делегации и награждению ее руководителя, это именно они привезли раку с останками из Ватикана. Как известно, тело Иоанна Павла II было эксгумировано в 2011 году, перед его так называемой беатификацией (причислением к лику блаженных у католиков), так что теоретически нельзя исключить, что тогда же изыали часть его «мощей» для почитания вне стен собора Святого Петра. Но было ли возможно привезти их в дар православной патриархии без предсмертной воли самого папы? Ведь в раке – едва ли не полскелета! Следовательно, такая воля имелась, и она нашла отражение в тайной части завещания Иоанна Павла II. Понятно, почему приняла этот странный «дар» Константинопольская патриархия с ее ставшим притчей во языцех экуменизмом. Но почему ныне покойный папа захотел, чтобы часть его останков находилась под сводами Фанара и, возможно, почиталась, как почитаются мощи православных святых? Ответ один: он не верил (или не совсем верил), что собор Святого Петра в Риме – достойное место для упокоения и молитвы о его душе. Не верил, очевидно, что таковым является и любой другой католический храм.

Оттого, наверное, я нигде не мог найти ни строчки о том, что же произошло 25 января 2015 года в Патриаршем храме на Фанаре.

ПОЭТА МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ВЕЗДЕ

На улице Мехмет-аги в Константинополе, напротив нашего отеля, был ресторан «Cozy garden» («Уютный сад») – действительно уютный, но без всяких признаков сада. Мы там иногда обедали или ужинали. У входа, рядом с выносным меню, расхаживал обычно высокий худой зазывала – молодой человек в черном пальто, с вогнутым серповидным лицом. Он говорил немного по-английски и однажды спросил у нас, чем мы занимаемся. Жена сказала, что мы «райтеры» – писатели. Тогда молодой человек заявил, что он тоже «райтер»: пишет стихи и даже печатает их в каком-то местном альманахе.

Великое, всепроникающее дело – литература! Назовите мне какую-нибудь другую профессию, представитель которой может запросто встретить «коллегу» под личиной ресторанный зазывалы или дворника, хоть в Турции.

АЛКАШИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Каждый день в 10 часов утра мимо нашего отеля маршировали в ресторан «Уютный сад» два немолодых австрийских немца – красноносые, со слезящимися глазами. Они устраивались на веранде, под электрическими обогревателями, которые в Константинополе вешают над головами посетителей, и похмелялись. Ближе к обеду к ним присоединялись две украинские проститутки. Мужики их кормили и поили, причем, довольно дорогими блюдами и коктейлями. «Подсадили хлопцев на консумацию», – с иронией констатировал один наш соотечественник, как-то обедавший с нами. Австрийско-украинское застолье сопровождалось специфической беседой, когда «мальчики» говорили только между собой, а «девочки» – между собой (отчего я и знаю, что они с Украины). Вероятно, девочки не понимали немецкого, а мальчики – русского, точнее, суржика подруг. Австрияки, главным образом, жаловались друг другу, что жизнь – тяжелая вещь, дерьмо: «Дас лебен ист ди швезере, швере захе, ди ша-айзе!» (хотя, видно, не такая уж тяжелая, коли у них имелись денежки хлестать в четыре горла дорогущее в стамбульских заведениях спиртное), а шалашовки тараторили о шмотках и блюдах, которые они любят «кушать».

«Долго они вообще так сидят?» – спросили мы у поэта-зазывалы, кивнув на компанию. «С десяти утра до десяти вечера!» – не без зависти сообщил он. И точно: около 22.00, когда мы вышли из «Ипподром-отеля» погулять с пекинесом Шанелькой, австрийки «косвенными» шагами, уже не в ногу, возвращались к себе в отель в сопровождении подруг. Не знаю, что им удалось делать с ними в таком подпитии. Крепко повезло дамочкам! Глядя вслед этим туристам aus Егора, я усомнился, что они побывали в Константинополе где бы то ни было, кроме аэропорта, отеля, ресторана «Уютный сад» и соседнего кафе «Биук».

И почему это о русских говорят, что они алкоголики?

АРАРАТ И «ГЛУБОКАЯ ЯМА»

Монастырь Хор Вирап на самой границе Армении с Турцией. Судя по фотографиям, сделанным в ясную погоду, Большой Арарат отсюда не просто виден, его заснеженная громада буквально нависает над монастырем, перекрывая весь

горизонт в юго-западном направлении. Ведь до него отсюда всего километров 35-40. Но Арарат неслучайно имеет мистическую славу. Я видел лишь подножия Большой и Малой горы, хотя светило солнце и облаков было немного. Какая-то легкая, неуловимая, но абсолютно непроницаемая дымка завесила оба пика, словно шелковая занавеска в полнеба, и только предгорья торчали из-под нее, как ботинки спрятавшегося за шторой гиганта.

Христианство пришло в Армению из Хор Вирапа в 301 году. Здесь язычники подвергли неслыханным истязаниям святого Григория Просветителя, почитаемого и нашей Церковью как священномученика, а потом бросили в каменный мешок, где он томился целых 14 лет. Так царь Трдат III, поставленный римлянами, мстил Григорию за то, что он не хотел приносить жертвы языческим богам. За годы, проведенные святителем в яме, ненависть царя к христианам только усиливалась, гонения становились всё более лютыми, но однажды Трдат повредился умом, а потом лицо его превратилось в свиное рыло. Тогда он велел вытащить Григория из ямы, призвал к себе и попросил исцелить Христа ради. Святитель вернул ему человеческий облик, но сначала добился от него покаяния за кровавые грехи. После этого Трдат III крестился и первым в мире провозгласил христианство государственной религией.

С тех пор вот уже 1714 лет Хор Вирап, что в переводе с древнеармянского означает «глубокая яма», является местом поклонения верующих армян. Здесь, на склоне небольшой горы, поместилось всего два храма – Божией Матери и Святого Геворга. Окружающие их стены слишком мощные для маленького монастыря, с круглыми башнями по углам, что не удивительно, если учесть, что в дохристианские времена здесь была тюрьма.

Церковь Святого Геворга, возведенная над «вирапом» Григория Просветителя, совершенно не похожа на армянские церкви, как мы их себе представляем – крестообразные по форме, с острыми, словно ровно заточенный карандаш, куполами. Нет, это, говоря просто, каменный домик с двускатной крышей, а говоря ученым языком – небольшая базилика. Но именно такими были древние армянские храмы, включая главный, эчмиадзинский, до его перестройки в купольный. По типу базилик, кстати, строили и европейские церкви в раннем средневековье, включая знаменитый собор Парижской Богоматери в его первоначальном виде (т. н. романский стиль). А вот храм Святого Геворга, возведенный в 642 году, перестраивать в 1661 году под крестово-купольный не стали и, расширив его, сохранили прежнюю форму.

Я ожидал увидеть «Глубокую Яму» в некоем торжественном архитектурном или иконописном обрамлении, как обычно украшены православные и особенно католические святыни. Но храм над Ямой был аскетичен до предела: с почти голыми каменными стенами и алтарем, высоко, точно сцена, вознесенным над полом церкви, со ступеньками по обеим сторонам (это особенность всех армянских храмов). Малиновая завеса с вышитым на ней белым крестом, закрывающая алтарь, придавала ему еще большее сходство с театральной сценой. Никакой Ямы я поначалу не увидел, да это было и сложновато: церковные своды ничего, кроме нескольких свечей, не освещало. Лишь потом, когда глаза привыкли к полумраку, я обнаружил в закоулке справа от входа небольшой квадратный люк в полу с уходящей почти вертикально вниз железной лестницей. Над ней не было ни икон, ни каких-либо украшений, ни даже просто таблички с надписью, что же

там внизу находится, только выщербленные плиты. С трудом втиснулся в этот закуток со своим планшетом и начал спускаться в узкий колодец. Метра через три пролет закончился, и пришлось, согнувшись в три погибели, поворачиваться на 180 градусов, чтобы нащупать ногой ступени второго пролета, идущего вниз уже под некоторым углом. Не захочешь, а будешь кланяться, как и при спуске к пещерному Благовещенскому монастырю на склоне горы Мангуп в Крыму! Там горную тропу завалил обрушившийся сверху кусок скалы, и нужно на четырех точках пролезть под ним, чтобы попасть в обитель.

Достигнув дна темницы, я ощутил только пробирающую до костей сырость, потому что в каменном мешке была полная мгла. Если бы парень с видеокamerой, который здесь уже находился и откуда-то дышал из темноты, не включил подсветку своего «Бетакама», то я ничего бы и не увидел. Мы стояли в круглом подземелье диаметром метра два с половиной и высотой метров в шесть. Я понял, что это одна из крепостных башен, которая соседствовала с возвышавшимся над ней храмом. Таким образом, Яма располагалась не строго под церковью, а в стороне, и ход к ней был прорублен в скале. Подземелье украшал только вырезанный на плите хачкар (крест) да аналойчик сбоку под малиновым покровцем. И всё. Я опустил на шесть метров вниз, а оказался на 1714 лет назад. Таким смешным здесь выглядел планшет в моих руках! Я перевел его в режим видеосъемки и поглядел вверх, на лаз в скале, по которому кто-то еще спускался. Никакой лестницы здесь во времена заключения Григория Просветителя, естественно, не было, и тюремщики просто сбросили истерзанного мученика в колодец. И пола из каменных плит тоже не было: внизу, как писал святитель Дмитрий Ростовский в житии священномученика Григория, чавкало смрадное болото, в котором водились змеи и прочие гады. Ни разу за все 14 лет он не вышел отсюда на поверхность даже по нужде: все нужды приходилось справлять здесь же, а потом дышать этим. 14 лет среди змей и нечистот, в болотной жиже! Что там Эдмон Дантес и узник замка Иф аббат Фариа! У них, надо думать, выносная параша была, и спали они на кроватях! Кроме того, их кормили, а святителю Григорию лишь одна милосердная женщина раз в день бросала в колодец лепешку и спускала в кувшине на веревке воды. Могучей силы духа был этот человек, не только выживший с Божьей помощью в этой каменной могиле, но и заставивший своего мучителя креститься и окрестить потом всю Армению! Кажется, чем дольше его прятали в Глубокой Яме, тем выше возрастал он духом, словно Арарат над грешной землей.

... Когда мы возвращались в Ереван, вдруг справа обозначилась на вечернем небе громада весь день прятавшегося от нас Арарата. Я схватил планшет, стал снимать. Но потом, просматривая видео, контура священной горы я на нем не обнаружил – видно, маловато сидел в «Глубокой Яме».

АТОМНЫЙ ВЕС ГЛАГОЛА

Любопытную вещь я узнал в Армении. Если взять древнеармянские названия золота, серебра, свинца, олова, ртути, железа и меди и у каждого слова сложить порядковые номера букв в алфавите, то получатся числа, равные атомному весу соответствующего металла в таблице Менделеева.

Например, слово «золото» – ԱԴԾ («воски») – состоит из 4 букв. Ո – 24-я по счету в алфавите, Ը – 29-я, Ծ – 15-я, Դ – 11-я. $24+29+15+11 = 79$. 79 – это номер и атомный вес золота в периодической системе химических элементов Менделеева.

Серебро – ԱԴԾ («арц»). $1+32+14 = 47$. 47 – номер и атомный вес серебра.

Свинец – ԱԴՃԻՃ («арчич»). $1+32+19+11+19 = 82$. 82 – номер и атомный вес свинца.

Олово – ԿԼԱԷԿ («кляэк»). $15+12+1+7+15 = 50$. 50 – номер и атомный вес олова.

Ртуть – ՋԱՆԴԻԿ («джандик»). $27+1+22+4+11+15 = 80$. 80 – номер и атомный вес ртути.

Железо – ԱԼԳԱԹ («алгат»). $1+12+3+1+9 = 26$. 26 – номер и атомный вес железа.

Медь – ՄԵԴ («мед»). $20+5+4 = 29$. 29 – номер и атомный вес меди.

Подобных занятных шуток за жизнь прочитал я немало, особенно в детстве, в альманахе «Эврика», журналах «Техника – молодежи», «Наука и жизнь»... Я не утратил к ним интерес и поныне, но большого значения уже не придаю, ибо в жизни вообще оказалось больше совпадений, чем несовпадений. Ну – совпало... числа они на то и числа, чтобы совпадать. Каббалисты вам еще не такое расскажут. Углубляться в это – так получится, что гениальный Месроп Маштоц, создавший в 405 году армянскую азбуку, за полтора тысячелетия до Менделеева открыл еще периодическую систему элементов, не будучи химиком. И зачем-то зашифровал атомный вес металлов в их названиях, может, пригодится? Многие армяне, кстати, так и считают. Но потом я подумал, что дело не в том, опередил Маштоц Менделеева или нет, и вообще не в химии. Если, по мнению Брюсова, «есть тонкие властительные связи меж контуром и запахом цветка», то разве слово не имеет связи с тем, что оно обозначает? Мы повторяем: «В начале было Слово...» и, похоже, считаем это метафорой. Но золото не было золотом, пока его не нарекли так, – был некий «металл желтого цвета», как пишут в полицейских протоколах. И, когда его нарекли: одни – «голдом», другие – «воски», третьи – «золотом», что это было – элементарным способом отличить один металл от другого? То есть, в принципе, можно было назвать золотом серебро, а серебром золото, лишь бы имелось свое название? Ну, нет, скажете вы, в слове «золото» видится нам отблеск золота, а в слове «серебро» – серебра. Всё же назвали их так, исходя из каких-то «тонких властительных связей» меж образом предмета и звуками его слова. «Свинец», что ни говори, по звучанию похоже на свинец, а «ртуть» – на ртуть. И древнеармянский «алгат» на слух – железо, и «кляэк» – олово. Это слова-образы. Маяковский говорил, что в поэзии каждое прилагательное – эпитет. А почему речь идет только о прилагательных, эпитетах и поэзии? Изначально каждое слово – образ, и в нем звенит суть обозначаемого предмета или явления. А коли слово – это еще и связь между человеком и вещью, то отчего в нем не могут быть заключены некие свойства вещи, а вещь не может являться материальным эхом слова? У металлов есть атомный вес, и он существовал еще до того, как люди открыли атом. Когда высокоученые люди сподобятся открыть Бога, окажется, что Он всегда существовал. Великое открытие это повлечет за собой множество мелких: например, выяснится, что Господь дал нам глагол, в котором звучит атомный вес металла. А потом откроют, что сила атомного веса элемента передается звукам его слова.

Но это не значит, что Гумилев, который написал: «Солнце останавливали словом, Словом разрушали города», был химиком. А вот Ломоносов, написавший: «Открылась бездна звезд полна: Звездам числа нет, бездне дна», – был.

ШАБАШ КУРИЛЬЩИКОВ

Ереванский ресторан «Флоранс», прощальный ужин для деятелей культуры и журналистов, приглашенных со всего мира, на траурный юбилей геноцида армян. В конце ужина, правда, все плясали, но ведь и у нас в конце поминок поют, и не всегда грустные песни. Местного кисловатого вина было хоть залейся, а вот чтобы получить коньяку или даже просто водки, надлежало ловить за фалды официанта. Но испанцев за соседним столом это мало волновало: они запоем курили. Дело в том, что во «Флорансе» не возбранялось. И все испанцы, включая баб, зажгли здоровенные сигары и не выпускали их изо рта до конца ужина. Я даже удивился, когда один парень из их компании, отменный танцор, вышел плясать без сигары. За все предыдущие дни, что мы вместе колесили по Армении, никаких сигар я у испанцев не видел, да и негде их было покурить с чувством и толком, всё прыгали из автобуса на мероприятия и обратно. Официанты «Флоранса» им тоже сигар не приносили: значит, возили с собой наудачу? А вдруг где-то и посчастливится покурить? И вот и впрямь посчастливилось. А как же европейская толерантность, уважение к сидящим здесь же некурящим, которых они сделали «пассивными курильщиками»? Они что, живут, как мы некогда в Советском Союзе: внешне подчиняются запретам, но если есть малейшая возможность их обойти, тут же с наслаждением это делают? Не является ли тогда противоестественной вся эта европейская затея с гонениями на курильщиков, перекочевавшая и к нам, где во время войн и лихолетий курили, чтобы заглушить чувство голода? А потом я подумал: «Да что я за них беспокоюсь?!» Они действительно счастливы, ведь у них в жизни хоть какая-то цель появилась, а то бы ходили, жевали свои сигары без всякого вкуса. Наслаждайтесь! Курите, *los españoles!* Курите, пока дым из ушей не пойдет!

РИМ, 9 МАЯ

Итальянцы не отмечают ни 9 мая, ни даже 8-е, как остальное «прогрессивное человечество»: они празднуют 25 апреля день освобождения Италии, причем считают, что сами ее и освободили. 9 мая 2015 года я был в Риме, поэтому привез из дома большую георгиевскую ленточку и орден Сталина (так называемый «общественный»). Я не сталинист, но орден этот принял. Как ни относишься к Сталину, а без него Гитлера не победили бы. Утром 9-го жена увидела, как я нацепил на грудь ленту и орден, нахмурилась: «Встретится какой-нибудь украинский националист, драка начнется, в полицию заберут», но потом тоже привязала георгиевскую ленточку к сумке. Забегая вперед, скажу, что украинских националистов мы за весь день не встретили ни одного, либо они никак не проявились.

Ленточка и Сталин были испытаны буквально через несколько минут, и с немалым успехом. Я спустился к портье, чтобы вызвать такси. В холле галдели и гоготали похмельные немцы, ожидающие вместе со своими чемоданами автобуса. Когда я

шел мимо них, они все, как по команде, смолкли, уставившись с открытыми ртами на мою украшенную грудь. В этом гробовом молчании, в котором, кажется, слышался скрип провожающих меня глазных яблок, я проследовал к ресепшену, договорился о такси и пошел на улицу курить. Я ликовал: наконец-то найдено средство заставить этих гансов заткнуться! Такого в Риме они точно не ожидали увидеть!

Два вечера подряд соседи-немцы доставали нас своим громким шпрыханьем и ржаньем. Пойдешь в кафе напротив отеля: они там сидят, целая дюжина, угощаются пивом, вином и коктейлями и гогочут, как гуси, на каждое слово бойкой девицы с крепкими германскими икрами, выполнявшей у них роль заводилы. «... Ихь заге ир: "Ду бист ди фрау-идиот!" – «Га-га-га!» – «Унд зи мир антвортет: "Ду зельбст ди фрау-идиот!"» – «Га-га-га!»). Мы сидим, ждем со злыми лицами, когда, наконец, официантка, она же повар и хозяйка кафе, покончит с их заказами и займется нами... Хорошо, они хоть на закуске сэкономили: вчера взяли всего две пиццы на двенадцать рыл, а то бы нам до закрытия ждать. Можно было, конечно, уйти, но хозяйка хорошо готовила, брала недорого и не запрещала приносить свое спиртное. Мы всё же дождались своего ужина, а там и немцы, хвала Создателю, напились, наорались и свалили, гогоча, восвояси, и мы немного отдохнули от них. Но немного. Вернувшись в номер, мы через некоторое время захотели чаю и пошли в бар на открытой веранде отеля: входим – опять тот же гогот и те же рожи, только в «узком» составе, человек шесть («свои», видимо), и сидят уже по-взрослому – с вискарем, джином, водярой. В кафе они на нас особого внимания не обращали, а тут уставились. И мы в их глазах, и они, наверное, в наших прочитали: «Преследуете вы нас, что ли?» Потом они отвернулись и начали еще громче галдеть и ржать – уже с некоторым вызовом, вроде. Эх, раззудись плечо, размахнись рука: немец гуляет!

И вот – о чудо! – георгиевская ленточка и дедушка Сталин враз сделали их тихими. Нечто подобное я потом видел в парижском метро. Ехали две молоденькие немки со своими чемоданами по монмартрской ветке, шпрыхали на весь вагон без остановки, не замечая косых взглядов парижан (у них так громко не принято) и повторяли зачем-то за диктором названия станций: «Бельвиль!», «Колонель Фабьен!», «Жорес!». И тут сверху, как с небес, грянуло суровое: «Сталинград!» Надо было видеть физиономии фройляйн! Они вздрогнули, повторили тихо и полувопросительно: «Сталинград?..», посмотрели друг на друга и – замолкли, словно пережили мистическое потрясение. Мистики же никакой не было: в Париже есть и такая станция (как, впрочем, и бульвар Ленина).

На итальянцев ленточка и орден произвели меньшее впечатление, но один раз они нам здорово помогли. У нас на этот день имелись комбинированные билеты: Форум – Палатинский холм – Колизей. Но наш экскурсовод после посещения Форума изменила порядок: – Пойдемте, – сказала, – теперь в Колизей, а по Палатинскому холму вы будете потом в индивидуальном порядке ходить, он слишком большой. Когда же мы, распрощавшись с этой хитрой дамой у Колизея, направились на Палатин, молодые контролеры у турникетов заявили нам, что, согласно билету, положено посещать Холм после Форума, и только потом идти в Колизей. Дескать, хотите теперь на Холм, покупайте снова билеты. Мы стали говорить, что это «бюрократизмо» и «волонтаризмо» и что мы, «руссо туристо», безусловно обладая «облико морале», уже раз заплатили за их достопримечательности. И тут я поймал уважительный взгляд начальника этих контролеров,

полноватого человека средних лет, на моей груди. Он был, наверное, левых убеждений: успокоил жестом помощников и пропустил нас, любезно отомкнув турникет своей карточкой.

Так что Палатинский холм увидел всё же, ленточку и Сталина. Завершилась их презентация на другом конце Рима – в Термах Каракаллы, грандиозных, потрясающих самое смелое воображение развалинах бань. Здесь-то я понял тот источник ненависти, что испытывали к Риму варвары. В Термах этих даже библиотека была, в отдельно стоящем здании (оно, кстати, сохранилось лучше других строений). Хочешь – иди в парилку, хочешь – в бассейн с холодной или теплой водой, хочешь – к ласковым гетерам, а можно и в огромный сортир, где на мраморных седалищах, под меланхоличное журчание канализации, часами обсуждаются политические и театральные новости, хочешь шопинга после бани – к твоим услугам многочисленные «бутики» в нижней галерее. Между этажами снуют лифты, исправно работающие с помощью надежных устройств, рабов и веревки. Если же ты нуждаешься не только в омоложении тела, но и в оздоровлении духа, то заворачивайся в тогу и садись в портшез, и слуги отнесут тебя через дорогу в библиотеку, а там – г'аботать, г'аботать и г'аботать! – как говаривал Ленин.

А чтобы иметь полное представление о масштабе досуга и отдыха римских патрициев, следует прибавить, что Термы Каракаллы – лишь малая часть той спортивно-оздоровительной структуры, исполинские развалины которой поднимаются над плоскими кронами пиний в районе метро «Чирко Массимо», взять тот же Цирк Максимиана вместимостью в 250 тысяч зрителей. Полагаю, разрушить эти каменные колоссы было не менее трудно, чем построить. Взрывчатки-то еще не придумали. Кто же это сделал? Точно не сменившие римских императоров Одоакр и Теодорих, как принято считать (они и сами были не прочь попользоваться). Их разрушили бывшие рабы, которые никогда больше не хотели вкалывать на римских галерах «культуры и отдыха».

Вечером в нашем кафе, свободном от немецкой оккупации, выпили за Победу, а потом пошли в номер смотреть по Интернету Парад на Красной площади. И когда двинулись по ней, ровно колыхаясь в строю, наши полки, я понял, что Третий Рим всё еще существует, а Четвертому точно не бывать. Дорога, по которой шли когда-то через Форум римские легионы, давно заросла травой и едва угадывалась среди древних имперских развалин, а русские полки печатали шаг по целехонькой брусчатке Красной площади, окруженной крепко стоящими имперскими постройками. Мы были по-прежнему империей реальной, несмотря на все катастрофы XX века, а Рим – империей потусторонней. Что же до древности, в которой мы соревноваться с Римом не могли, то, право же, лучше быть живым молодым человеком, чем старым и мертвым памятником.

РИМСКИЙ ЦЕЗАРЬ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Чаадаев, критикуя наш национальный характер, написал в «Философических письмах», что в Кремле стоит самая большая в мире пушка, которая никогда не стреляла, и самый большой в мире колокол, который никогда не звонил. И по сей день наши недруги эти примеры дружно повторяют.

А вот в парижском Доме инвалидов стоит мраморная статуя человека в римской тоге, в золотом лавровом венке на голове, со скипетром и державой в руках и орденом Почетного легиона на груди. Надпись на надгробье гласит, что это Наполеон II, король Рима (1811–1832).

Я некоторое время смотрел на статую в недоумении. Это кто же – пресловутый «Орленок», единственный законный сын Наполеона I, герой сентиментальных романов? Но, если он родился в 1811 году, то ему было всего 4 года, когда отец его во второй раз отрекся от престола. Да и находился мальчик в это время вместе с матерью в Австрии. Ну да, Наполеон I «назначил» маленького отпрыска и королем Рима, и даже императором Франции, коим он числился ровно две недели. Но ведь наш Орленок в июле 1815 года, когда перестал быть и тем, и другим, еще в штанишки писал! Он бы и поднять не сумел эти тяжелые скипетр и державу! А когда и за что сей младенец заслужил орден Почетного легиона?

Несостоявшийся Наполеон II дожил до 21 года и умер от туберкулеза в австрийском Шёнбрунне под именем Франца Йозефа Карла, герцога Рейхштадтского, майора австрийской армии (поскольку, как и Петруша Гринев, был зачислен в полк едва ли не с младенчества). Имел он даже и орден Королевский, Венгерский – Святого Стефана. Так вы его и изваяйте австрийским майором с венгерским орденом! Чего вы нам «римского цезаря» с орденом Почетного легиона подсовываете?

А кто, кстати, это сделал? Ведь могила и статуя Наполеона II появились здесь сравнительно недавно, в 1940 году. Вообще-то Орленок был захоронен в Вене, а сюда, в парижский Дом инвалидов, его прах велел перенести... Гитлер (какая приятная деталь для французов!). Вероятно, он исходил из тех соображений, что Наполеон II был наполовину австрийским немцем (по матери, австрийской принцессе Марии-Луизе). Таким образом Гитлер символически связывал свой Третий рейх с рейхом Первым – Священной Римской империей германской нации, обязанной возникновением германцу Карлу Великому. А то, что «король Рима» Наполеон II никогда, по сути, не царствовал – это детали, главное – преемственность.

Французы после освобождения Парижа оставили всё, как при Гитлере, и не перенесли прах виртуального Наполеона II и его римскую статую из Дома инвалидов куда-нибудь на кладбище Пер-Лашез. Хотя нелепость почитания Наполеона II на государственном уровне очевидна, особенно, если учесть, что реально правивший 22 года Наполеон III похоронен даже не во Франции.

А Чаадаев критикует нас за Царь-пушку и Царь-колокол!

ПУТИН-ВОЙНА

В парижском квартале Бельвиль, рядом с отелем, зашел в супермаркет купить минеральной воды. Хотел сдать сумку с бутылкой вина и кое-какой провизией в камеру хранения, а ее нет. Что ж, мне разворачивать свои пакеты, показывать негритянке на кассе? Тут вижу знакомых девчат у турникета: они всегда здесь какие-то рекламные листовки раздают. Говорю им: «Добрый вечер, поддержите, пожалуйста, мою сумку», что звучит на варварском французском языке человека, безуспешно изучавшего в институте немецкий, примерно так: «Бонсуар, силь ву

плэ, тенэ мон сак». Если кто-то знает правильную транскрипцию и произношение, не возражаю, чтобы меня поправили. Одна из девушек удивилась, но пакет взяла. В Париже вообще много мазуриков, никто никому сумок добровольно не отдает. Но этим-то девицам еще не раз приходится сюда с листовками, убежать с какой-то невзрачной сумкой им явно не с руки.

Выбирал воду долго, подслеповато пытаюсь найти на этикетках слово “la gazeuse” («газированная»), потом взял наудачу «Перье» – она вроде всегда газированная. Девушка же всё стояла с моим пакетом. Поблагодарил ее, сказал обоим комплимент. Они заулыбались, а вторая, толстенькая, спросила, откуда я. «Же сюи де ля Рюси». «О! – оживилась толстушка, – Ля Рюси! Моску! – и лукаво прибавила, – Путин-гер!» Путин-война, стало быть. Они его уже на манер Пуанкаре величают. Это того звали Пуанкаре-война. Вот вам антироссийская пропаганда в действии. Тогда я сказал им одну из тех пяти французских фраз, которых знал: «На войне, как на войне!» («А ля гер ком а ля гер!»). Они засмеялись, закивали. Дескать: мы понимаем, но это не наша война. Однако ровно через месяц, 13 ноября 2015 года, выяснилось, что ваша, причем принес ее вам не Путин-гер.

ОПЛОШНОСТЬ

На улице Ла Юшетт в Латинском квартале много всяких греческих ресторанчиков. Остановившись возле одного из них, мы увидели на веранде подвешенные к потолку электрические обогреватели – как в Константинополе. Значит, здесь тепло, плюс хороший вид. Французы так клиентов не балуют: хочешь курить и глазеть по сторонам, садись за крохотный столик под открытым небом, прямо на тротуаре, среди прохожих. Зашли. Гарсон-завывала, чернявый плотный экспансивный парижский грек, сделался очень любезен, когда узнал, что мы русские, я же допустил оплошность, указав на обогреватель:

– Как в Стамбуле!

Грек даже подпрыгнул и вскричал негодуя:

– Но! Но Стамбул! Кон-стан-ти-но-поль! – и вытянул из-под накрахмаленной сорочки здоровенный золотой православный крест на золотой же цепочке.

– Конечно, Константинополь, – согласился я, а сам подумал: поздновато вы об этом вспомнили.

ВРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

В студенческие годы у нас был «прикол»: едем компанией в метро, и вдруг кто-то вскакивает и орет: «Бежим, контролеры!», а за ним вскакивают и другие, только потом вспоминая под смех всего вагона, что в метро нет контролеров. Но это в московском метро, а в парижском они есть. И в вагонах, и на выходе из метро. Ты должен предъявить им узкий билетик из плотной бумаги, и они проверяют его на портативном сканере, когда и на какой станции ты вошел в подземку. Потому что войти в нее можно и, перепрыгнув через турникет (как до недавнего времени делали и у нас, пока не приварили к боковинам устрашающие «яйцерезы»), и через выходы на некоторых станциях, необорудованные турникетами. Не зная этой осо-

бенности, в один из таких выходов (sortie) мы с женой машинально зашли вслед за местной девушкой, основательно изучившей, видимо, халявные возможности проезда. Как-то непривычно быстро для парижской подземки мы оказались на платформе, причем бесплатно. Что ж, спасибо: парижское метро недешевое удовольствие – евро восемьдесят за поездку. Но на выходе из станции «Елисейские поля – Клемансо» нас ждали контролеры – мужик и две бабы. Мужик представился на американский лад – «маршалом». Маршал мытарей подземки! Категорически не принимая никаких объяснений и ежесекундно угрожая вызвать полицию, они ободрали нас на 33 евро каждого. Попасть в участок ближе к ночи, да еще в чужой стране, нам совсем не улыбалось, и мы скрепя сердце заплатили.

Через пару дней мы видели, как эти же мытари пытались оштрафовать в поезде на станции «Шатле» негритянку. Она подняла такой крик, что «маршалы» выскочили из вагона, как ошпаренные. Полиция, видимо, не вызывали, да и она, подозреваю, с той громогласной дамой связываться тоже не стала бы. Это только у нынешнего белого человека такое бремя – молчать и платить.

МЫ С ВАМИ ЭТО НЕ БУДЕМ ЕСТЬ

Елисейские поля в Париже – не самое лучшее место, чтобы перекусить русскому человеку: пища там либо дорогая и нам неизвестная, либо поднадоевшая итальянско-пиццерийная. Ну, еще вариант – «Макдональдс». Ходили мы с женой от ресторанчика к ресторанчику, читали меню у входа. Одно из блюд нас заинтересовало – «настоящая говядина по-татарски» (real beef of tartar). Ну, что ж: у татар вроде плохих блюд из говядины не бывает.

Зашли, заказали. Народ вокруг жрет моллюсков – типа устриц или крымских рапанов прямо из дымящихся кастрюль. Веселый подвижный негр-официант быстро принес наш заказ. Мы увидели... сочащийся кровью фарш с сырым яйцом и гарнир из картошки-фри и капустного салата. Очевидно, в Париже полагают, что татары – поклонники сыроядения. Могли бы и картошки сырой дать, раз такое дело. А может быть, of tartar означает «по-адски»: от Тартара – адской бездны, а не от одноименного европейского названия Татарии? Или – «по-вампирически»?

Пару минут, утратив дар речи, мы пялились на real beef of tartar, а потом позвали веселого негра и спросили, кто это может есть. Уразумев, в чем дело, тот осклабился и ответил:

– Мы с вами не будем, а французы с американцами едят.

Я всегда считал вслед за Робинзоном Крузо, что одно из отличий цивилизованных людей от дикарей в том, что они не употребляют в пищу сырого мяса. Стало быть, русские и негры, по версии гарсона, – цивилизованные люди. А французы с американцами – кто же тогда?

БЕЗ КОРМЧЕГО

Поезд тронулся, и я вдруг увидел перед собой туннель подземки, как никогда его в жизни не видел – без всяких преград, напрямую. Словно я машинист поезда. Тут только я понял, что и сижу на месте машиниста, поскольку на этой линии

парижского метро составы управлялись бортовым компьютером или компьютером за бортом. Ну, может быть, предполагался где-то и оператор. Я оглянулся: никто из пассажиров даже не смотрел вперед – привыкли. А молодой человек по соседству не терял даром времени в пути: достал книжечку папиросной бумаги, кiset с табаком и необыкновенно ловко, не просыпав ни крошки табаку, за пять секунд свернул идеально круглую сигаретку, не забыв вставить в нее фильтр из отдельного пакетика. Да, люди почитают свои маленькие заботы более важными, нежели мысли о том, кто ими управляет – хоть в государстве, хоть в поезде метро. Вот, скажем, молодой человек выйдет из подземки и сразу задымит. А то на улице возиться с самокрутками неудобно: я знаю, сам их вертел в начале ельцинских 90-х, не имея денег на сигареты. Наблюдение за мастерской работой француза, неподвластной вагонной тряске, подействовало успокаивающе, но всё равно было как-то не по себе, хотя, не исключено, я и в Москве на таких поездах ездил, только не знал этого. К реальности из фантастических романов привыкать трудновато. «Значит, без руля и без ветрил, – подумал я, но тут же поправил себя, – без кормчего». Если бы такое случилось с мчащимся в море катером, то кое-кто бы уже выпрыгнул в воду, например, моя жена, которая сидела в центре вагона и не знала, к ее счастью, в каком поезде она едет. Шутка сказать: состав, завывая, набирает скорость в черной дыре, а вместо машиниста я – такой же пассажир, как и все другие, причем даже не знающий, где у них здесь, лягушатников, стопкран. Может быть, мне не надо было садиться сюда, вперед? Стоял бы рядом с женой в середине вагона, глядел сомнамбулически на свое отражение в окне. А кто там ведет поезд – какая разница? Ведь кто-то же управляет всем этим грандиозным подземным хаосом под названием парижское метро, по сравнению с которым метро московское – образец гармонии и порядка? Линии сплелись, как нити частой паутины, поезда летают по ним туда-сюда, а персонала на станциях не видно, только бомжи по-хозяйски устраиваются на ночлег, с наслаждением шевелят пальцами разутых ног, покуривая сигареты, что вроде бы категорически запрещено в общественных местах Евросоюза. Всё как-то происходит волею компьютера – без кормчего, без веры в присутствие начальника над кормчими. А разве наверху, в надземной части Парижа, иначе происходит? А во всей Франции? А в остальном мире? Я глядел на черную извилистую дыру, в которой мы с грохотом исчезали, на безразличных пассажиров и испытывал нечто, сродни ощущению пути человечества без Бога.

